

Примечание: должен сказать, что после просмотра аниме и возвращения к лайт новелле её странный темп повествования стал только ещё более заметным. Проблему также не решало то, что в третьем томе не было одной из лучших сцен из аниме, соответствующей тому же временному периоду (Дискуссия с Лергеном, в которой Таня одерживает вверх). Такое чувство, будто я просидел всю бродвейскую постановку "Гленгарри Глен Росс" (Американцы) в ожидании монолога Алека Болдуина*, а его оттудого просто вырезали.

(Вот фрагмент фильма с той самой речью:

<https://www.youtube.com/watch?v=o4ydljbOAzg>)

ooOoo

В целом, я бы сказала, что лётная тренировка шла хорошо. Хотя, даже спустя неделю я не могла посвятить больше двух дней в месяц проверке прогресса моих парней, Виша овладела моей системой полёта достаточно хорошо благодаря тому начальному толчку, что я ей задала, так что она была в состоянии взять эту работу на себя и отлично справится в качестве инструктора вместо меня. Имея только тринадцать вычислительных сфер военного класса, они могли тренироваться в различных манёврах лишь в группе, не превышающей своим числом роту. Но это идеально подходило для работы над основами. Чередуя между солдатами вычислительные сферы, каждый мог получить достаточное количество времени для обучения.

Не считая меня, в Джерменской Рабочей Партии находился пятьдесят один воздушный маг. Большинство из них служило в 203-м полку на момент, когда война уже закончилась. Остальные не задерживались в 203-м продолжительное время, потому что их в какой-то момент перевели в другие подразделения, поскольку штаб пытался повысить общую эффективность имперских воздушных магов. В гражданском секторе всё ещё оставалось немало тех, кто прошёл через 203-ий. Я никогда не задумывалась слишком сильно над тем, почему они не пришли работать к нам в партию. Я могла только предположить, что они не согласны с моей политикой или, возможно, уже получили удобную для них работу. Мне нравилось думать, что некоторые из них, как и я, были сторонниками мира, когда-то не по собственной воле втянутыми в войну, и теперь обеими руками ухватившимися за возможность тихой и спокойной жизни. Я могла лишь пожелать им всего наилучшего в их начинаниях.

Может показаться странным, что мне приходится обучать закалённых в боях ветеранов, прошедших не один суровый бой. Я уверена, что многие парни из отряда так и думали, хотя были достаточно умны, чтобы не высказывать свою обеспокоенность по этому вопросу в моём присутствии. Проблема в том, что, хотя постоянная война хороша для обучения одним определённым навыкам, она не подходит для обучения множеству другим. С точки зрения экономики это вопрос временной ориентации.

Концепция долгосрочной и краткосрочной ориентации связана с отношением к самому времени и тому, на что мы его расходует. Кто-то с долгосрочной ориентацией времени ценит больше своё счастье в будущем и готов пойти на некоторые лишения в настоящем, которые со временем должны привести к определённой выгоде. С другой стороны, кто-то с краткосрочной ориентацией времени ценит больше своё счастье в настоящем и не слишком беспокоится о том, что произойдёт в будущем. В истории про муравья и стрекозу муравей имеет долгосрочные предпочтения, а стрекоза - краткосрочные предпочтения. Как и в сказке, люди и нации с долгосрочными временными предпочтениями обычно преуспевают в жизни намного больше, чем люди и нации с краткосрочными временными предпочтениями.

Однако нельзя полностью пренебрегать настоящим. Особенно, когда идёт война. Не имеет значения, есть ли у вас новый превосходный дизайн танка, производство которого можно начать уже в следующем году, если все ваши заводы будут захвачены посредственными танками вашего врага уже сегодня. В борьбе за выживание естественно сосредоточиться на чём-то, что увеличит ваши шансы выжить до следующего дня, и пренебречь всем остальным.

Говоря о моих парнях в частности, они были абсолютными асами с точки зрения любого навыка, который можно было отточить в бою. Независимо от того, говорите ли вы о их ментальной стойкости, быстрых и решительных боевых действиях, прогнозировании решений противника, мощности и искусности их заклинаний или о чём-то подобном, они были превосходны во всём этом. Там, где у них были возможности для самосовершенствования, это были, в основном, навыки, которые требуют расширенных капиталовложений для улучшения. Им могло потребоваться несколько месяцев лишь для того, чтобы фундаментально пересмотреть подход к системе полётов, что было невозможно во время войны. Изучение же различных преимуществ каста заклинаний для повышения их эффективности, а не мощи, было также недопустимо, когда шла война, где противник мог сбить тебя, если бы твоему щиту не хватило достаточной силы, чтобы отбить вражеские атаки.

Я могла только надеяться, что длительная подготовка в мирное время поможет им достичь новых высот. Мы были единственными воздушными магами, доступными сейчас генералу Лергену. Полагаться лишь на один батальон магов, как на все силы страны, было не очень смешно. Империя обычно содержала три батальона в каждой региональной армейской группе и ещё три батальона в центральной армии. И это только в мирное время. Некоторые из этих подразделений, возможно, и были малочисленны, но во время войны они заполнялись до краёв. Не стоит забывать и о созданных новых подразделениях. И это даже не говоря о магах, приписанных к флоту.

Один-единственный батальон, очевидно, не может выполнять все обязанности такого количества воздушных магов, что были при Империи. Даже если Джермения была значительно меньше, чем Империя, она всё равно оставалась достаточно велика, и у неё оставалась возможность выставить корпус магов и побольше, если бы этому не мешал договор Триано. Наш отряд можно было считать скрытым оружием, а не политическим инструментом. Генерал Лерген мог развернуть нас один раз, застигнув врага врасплох, но после этого мы были бы разбиты множеством магов других наций. Мне оставалось лишь надеяться, что в момент неожиданности мы сможем сделать больше, если натренируем людей на достаточный уровень.

Также, к сожалению, необходимо было обучить своих парней действовать в ситуации с новыми обстоятельствами. Дружественная артиллерия? Воздушная поддержка? Забудьте об этом, как о прекрасном сне. Вместо этого мы должны были быть готовы столкнуться с многочисленной вражеской артиллерией и авиацией и численным превосходством противника.

В целом, хотя подготовка шла хорошо, общая стратегическая ситуация оставалась довольно печальной.

Также были проблемы и с вопросами экономики.

Правительство было по-прежнему привержено своей политике сводить концы с концами, печатая всё большее количество бумажных денег. Возможно, они искренне считали, что это наилучший возможный план действий в их ситуации. Если они верили, что существует определённый предел стоимости одной марки, после которого она бы прекратила своё снижение, то, продолжая печатать их, как только бумажные деньги достигли бы этого уровня,

правительство действительно смогло бы спасти экономику с помощью печатного станка. Даже если некоторые из членов правящей коалиции и понимали, что, печатая всё более крупные купюры, не было и шанса на положительный исход, они всё равно были связаны по рукам и ногам с остальными.

Пока они держатся вместе, они могут рассчитывать ещё на два года контроля над всей страной. В другом случае, если они разойдутся во своих мнениях по поводу того, что делать дальше, и откажутся от сложившегося статуса-кво, то будут проведены новые выборы. У меня были данные опросов, и я знала, что выборы пойдут плохо для всех них, но даже не имея такой системы оценки общественного мнения, как у меня, они должны были понимать, что разгневанное население не будет нянчиться с ними и порвёт на куски при малейшей возможности.

Таким образом, страна оказалась в шатком положении. Социальная стабильность трещала по швам. Инфляция достигла той точки, когда измерение годовой процентной ставки стало бессмысленным. Вместо этого лучший способ понять реальную стоимость марки - это отследить, сколько времени потребовалось ей, чтобы потерять половину своей ценности. Это был период времени, который становился всё короче и короче с каждым месяцем. И пока всё это происходило, правительство бездействовало, скованное обстоятельствами всей ситуации.

Я продолжала появляться на публике, как и раньше. Мы также начали замечать некоторые интересные цифры в наших опросах. Во-первых,

наш среднестатистический сторонник, поддерживающий партию, изменился. Во время последних выборов нас в подавляющем большинстве поддержали избиратели, обеспокоенные внешней политикой и удручающей ситуацией с нашей армией. Это не означало, что мы смогли привлечь на нашу сторону большинство избирателей, которые были обеспокоены внешней политикой - что было и так понятно, так как наша внешняя политика была абсолютно безрассудной - скорее, это были люди, которые голосовали за нас, потому что им понравилась наша безумная внешняя политика. Теперь, однако, у большинства избирателей, указывающих, что они поддерживают нас, именно экономика была их главной заботой. Очевидно, моё предвидение нынешнего инфляционного кризиса и мои туманные обещания всё исправить произвели неизгладимое впечатление на некоторых людей.

Другим заметным изменением в нашей общественной поддержке было то, что она продолжала расти с течением времени. Я была приятно удивлена, когда мы достигли пятнадцати процентов. Я занервничала, когда процент дошёл до двадцати. Я была сильно встревожена, когда опросы показали, что нас поддерживает каждый четвёртый избиратель, а ведь до выборов осталось всего 6 месяцев. Я, конечно, с радостью получила бы ещё несколько мест в парламенте, но я просто не понимала, почему все они хотят проголосовать за такого кровожадного головореза, которым я притворялась на публике. Если мы получим слишком высокую поддержку на следующих выборах, то у нас может появиться реальная власть, и мои сторонники могут начать ждать от меня определённых результатов.

Что я могла с этим поделать? Если бы я просто отказалась от всех наших обещаний, у остальной части партии могли появиться неудобные вопросы, и я потеряла бы всю их веру в себя. Я едва ли могла сказать им, что просто хочу отогнать лишних избирателей. Думаю, я смогла бы прекратить наши благотворительные усилия по обеспечению продуктов первой необходимости тем, кому это было нужно, но именно этим мы делали хоть что-то действительно полезное и хорошее. В конце концов я решила, что лучшим решением будет пойти на крайность, которая уже успела зарекомендовать себя.

Вместо того чтобы отказываться от наших партийных идей, я решила возвеличить их до абсурда. Вместо того чтобы просто обвинять Франсуа в наших бедах, я начала призывать к прямому вторжению, если Франсуа откажется прекратить свои подрывные усилия против нашей страны. Если раньше я критиковала политику печатания денег как глупую, то теперь я называла её преступной. Я призвала к тому, чтобы высечь её создателей на площади. В сущности, ведя себя на публике как настоящий безумец, я надеялась отогнать здравомыслящих избирателей, чтобы остаться только при поддержке наших фанатиков.

В итоге мы набрали тридцать два процента голосов на выборах.

Однако надежда не была потеряна. Несмотря на то, что у нас была большая доля мест в новом парламенте, этого было недостаточно, чтобы сформировать правящее большинство самостоятельно. Другие партии просто не могли присоединиться ко мне после всех моих сумасшедших обещаний во время предвыборной кампании. Пока у них был шанс на формирование правящей коалиции без меня, я могла вернуться в своё удобное положение бессильного критика.

ooOoo

Избранный президент Курт фон Рюдерсдорф глубоко затянулся своей сигарой. Он на долгое мгновение задержал дыхание, даже после того, как его лёгкие начали покалывать, а затем гореть, он не выдохнул. Он был окружен двумя своими старыми друзьями в роскошной гостиной в своём личном имении после неожиданной победы на выборах. По всем правилам они должны сейчас праздновать это невероятное событие. Вместо этого, когда он выдохнул облако дыма, это больше походило на многострадальный вздох.

Скорее всего, его бы не избрали, если бы не острый кризис с которым столкнулась вся страна. Правда нельзя было сказать, что теперь, когда эта проблема свалилась на его плечи, стало хоть чуточку лучше. Хуже того, в результате самих выборов возник новый кризис. Экстремистская партия Тани фон Дегуршафф заполучила тридцать два процента голосов, в то время как даже коммунистические ублюдки получили всего лишь двадцать два процента поддержки своих идей. Простая математика диктовала, что ни одна правящая коалиция не может быть сформирована без включения одной из этих двух партий. Далее в списке выборов, предыдущее правящее большинство едва смогло собрать двадцать процентов, если считать их всех вместе; они почти бы достигли двадцати пяти процентов, если включить их бывших партнеров по правоцентристской коалиции. Новая видная правая партия, которая придерживалась более умеренных взглядов, чем Дегуршафф, получила целых двадцать процентов электората. В общем, всё было ужасно.

Президент республики по конституционному замыслу не занимался повседневными делами правительства. Хотя должность была избираемой, её обязанности были аналогичны тем, которые традиционно возлагались на конституционного монарха. Он мог использовать свою власть, чтобы содействовать стабильной работе правительства. Он также мог распустить парламент и назначить новые выборы, если бы посчитал, что правительство сбилось с правильного пути. В случае чрезвычайных ситуаций, он мог воспользоваться себе дополнительные возможности. Хотя, идея начинать свой президентский срок с объявления чрезвычайной ситуации казалась ему не очень удачной.

- Черт бы побрал всех этих дураков, - проворчал Рюдерсдорф, - беснующихся вокруг безумия Дегуршафф.

Ганс фон Цеттур смотрел на него через стол с легкой улыбкой на лице, непоколебимый перед проявлением его эмоций. Старый друг Рюдерсдорфа согласился вернуться из отставки, чтобы обеспечить ему поддержку в предвыборной кампании. Как всегда, было бесценно иметь в своём распоряжении советника, который был готов напомнить Рюдерсдорфу, когда тот вёл себя как дурак.

Эрих Лерген, сидевший рядом с Цеттуром, не смог остаться таким же отстранённым. Если Рюдерсдорфу следовало бы предположить, то Лерген разрывался между радостью, услышав, что мнение самого Рюдерсдорфа совпадает с его, и болью, вызванной напоминанием об успехе Дегуршафф. И всё жё, даже если этому человеку было трудно сохранять объективность в вопросах, касающихся Тани фон Дегуршафф, он был блестящим офицером и прекрасным выбором, чтобы поставить его во главе значительно уменьшенной джерменской армии.

Старая привычка почтительно относится к людям, кто был старше и авторитетнее него, ещё не умерла, поэтому именно Цеттур заговорил первым.

- Если бы люди не были так влюблены в своих отставных героев, - сказал он, - я подозреваю, что мы не праздновали бы сегодня твою собственную победу на выборах.

Рюдерсдорф кивнул, соглашаясь, а Лерген выпрямился в знак протеста.

- Одно дело голосовать за того, кем восхищаешься, - сказал Лерген, - но, конечно, избиратели обязаны учитывать и политику, которую предлагает кандидат и его партия.

Рюдерсдорф махнул рукой, давая понять Лергену, что тому следовало бы сесть. - Нет смысла обсуждать абстрактные теории или размышлять о том, что могло бы быть. Мне нужно решить, что делать с этим бардаком в данный момент.

Две умеренные партии правого крыла имели

вместе около двадцати пяти процентов голосов. В сочетании с Джерменской Рабочей Партией Дегуршафф у них будет более чем достаточно голосов, чтобы сформировать правящее большинство. Обе эти партии были, по крайней мере, предварительно готовы к диалогу с Дегуршафф, хотя они сильно волновались из-за её довольно экстремистских заявлений во время предвыборной кампании. Обе стороны послали переговорщиков узнать мнение самого Рюдерсдорфа. Хотя они и не говорили этого вслух, было ясно, что они готовы следовать его указаниям в этом вопросе.

-Насколько я понимаю, у вас есть лишь два пути решения этого вопроса, - сказал Цеттур, его голос был так спокоен, как будто он просто описывал свой обычный организационный план. - В первом случае, мы могли бы перевести парламент в стазис правительства меньшинства и эффективно управлять им благодаря декретам. Во втором же - ты принимаешь решение избирателей и назначаешь канцлера Дегуршафф во главе правительства большинства.

- Но ведь он не может принять Дегуршафф в качестве канцлера? - Запротестовал Лерген. - Она ведь почти пообещала вторгнуться в Республику Франсуа!

Рюдерсдорф молчал и слушал эту мелкую перепалку с нешуточным интересом. За время службы в генеральном штабе он обнаружил, что энергичные споры между подчиненными часто приводят к ценным выводам.

- Предвыборные обещания - это одно, а политические действия - совсем другое, - ответил Цеттур, прежде чем затянуться сигарой. - Дегуршафф никогда не была тем офицером, который

бросает своих людей в бессмысленные авантюры.

- Она уже нарушает договор Триано, - сказал Лерген.

- Ого?

- Она контролирует небольшую производственную линию вычислительных сфер, - объяснил Лерген.

Это заставило Рюдерсдорфа сесть и прислушаться. Он знал, что Дегурешафф нанимала своих бывших подчиненных в свою маленькую группу головорезов. Из их известных по слухам выступлений в различных уличных драках он заключил, что они использовали гражданские вычислительные сферы, чтобы повысить свои боевые качества. Естественно, что Дегурешафф хотела бы заполучить в свои руки сферы военного класса, но желание и обладание - две разные вещи. Несмотря на все слухи, он никогда не видел никаких твердых доказательств того, что Дегуршафф удалось бы заполучить свою собственную производственную линию вычислительных сфер.

- До меня, конечно, доходили слухи об этом, но я так и не смог обнаружить ничего конкретного, - сказал Цеттур, вторя мыслям Рюдерсдорфа. - Как же ты всё это выяснил?

- Её чертова секретарша каждую неделю докладывает мне об их боеготовности, - сказал Лерген. - Согласно её последнему отчету, у неё уже есть целый батальон воздушных магов, прошедших соответствующую подготовку.

Это озадачивало по нескольким причинам. Во-первых, странно, что она так откровенничает о том, что на самом деле является преступлением. Особенно с таким приверженцем правил, как Лерген. Вторая причина сразу же стала бы очевидной для людей, имевших опыт работы с 203-м подразделением. Они отчетливо помнили, как в каждом её рапорте, какой бы славной ни была описанная в нём победа, майор фон Дегуршафф умоляла дать ей больше времени, чтобы подготовить своих людей к бою. Трудно было представить, на что способен батальон, который она считала хорошо обученным.

Цеттур наклонился вперед и постучал сигарой по пепельнице, стоявшей на столе. - Интересно, есть ли у нашего президента вообще два пути в решении этой проблемы?

- Что ты имеешь в виду? - Спросил Лерген.

- Скажи мне вот что: если Таня фон Дегуршафф объявит о существовании своего магического батальона и призовет к свержению избранного правительства, - начал Цеттур, - сколько военных встанет на её сторону?

Цеттур задал вопрос таким деловым тоном, что потребовалось некоторое время, чтобы осознать всю важность сказанного. Рюдерсдорф ошетинился от негодования, но это чувство сменилось каким-то приглушенным ужасом по мере того, как он понимал всю серьёзность их проблемы..

Если какой-нибудь малоизвестный капрал добился бы политического успеха и решил объявить бы путч, Рюдерсдорф был бы уверен, что смог бы подавить этот переворот. В конце концов, у него был многолетний опыт руководства имперской армией. Но восстание, спровоцированное Таней фон Дегуршафф, - совсем другое дело. Она была героиней войны и настоящим лидером. Более того, она сражалась бок о бок со своими людьми во множестве битв, всегда стремясь вперед, к победе. Отношения между солдатами и штабными офицерами неизбежно были

довольно прохладными. Рюдерсдорф не сказал бы, что он смог бы использовать те же узы закаленного в боях братства, к которым могла обратиться Дегуршафф.

Обычно он сказал бы, что традиции государства смогут сохранить верность армии, но предыдущее правительство потратило годы на то, чтобы подорвать доверие к национальному правительству. Перед лицом харизматичного военачальника - особенно перед тем, кто имеет за собой преданный батальон боевых воздушных магов, - эти цепи традиций, связывающие солдат вместе, были просто паутиной, которую можно было легко смахнуть.

- Она бы не стала... Хотя, нет, она наверняка так и сделала бы - сказал Лерген, его лицо вытянулось, поскольку его собственный анализ ситуации, казалось, шёл в том же направлении что и его. - Черт побери, как это могло произойти?

- Успокойтесь. До сих пор она была готова работать в рамках системы, - ответил Цеттур, задумчиво постукивая себя по подбородку. - Интересно, как далеко она продвинулась в своих планах?

Лерген пристально взглянул на него. - О чём ты говоришь?

-Странно, что она решила рассказать генеральному секретарю о своей личной маленькой армии, - сказал Цеттур. - Если только она не хочет, чтобы он знал... или чтобы мы знали... то, что она могла и всё ещё может совершить.

Забавно. Все трое знали Таню фон Дегуршафф больше половины её жизни. Про любую другую обычную молодую девушку можно было бы сказать, что они видели, как она выросла. По всем правилам они должны знать всё то, что заставляет её действовать. Однако Дегуршафф даже в одиннадцать лет обладала сильной и вполне сформировавшейся личностью. Даже тогда она уже была непревзойденным имперским солдатом. Понять её было так же сложно, как понять своего коллегу по работе, а не маленькую девочку, которую он фактически сам и взрастил.

Несмотря на это, Рюдерсдорф смог понять, к чему клонит Цеттур.

- Это сообщение всем нам, - наконец нарушил молчание Рюдерсдорф. - "Вы играете честно, и я тоже", что-то в этом роде.

Рюдерсдорф по-прежнему категорически не мог согласиться с предвыборной платформой Дегуршафф. Однако картина, которую приоткрыл им Цеттур, сильно отличалась от того маньяка, которого она играла на протяжении всей предвыборной кампании. Любой, кто скрупулезно соберёт такую большую силу, а затем воздержится от её использования, будет слишком осторожен, чтобы разрушить будущее страны безнадежным вторжением.

Лерген повернулся к нему, явно встревоженный. - Ты же не серьезно?

- Успокойтесь, Генерал. Я не собираюсь позволить ей сделать всё по-своему. Если она предложит что-то слишком возмутительное, я всегда смогу воспротивиться её предложению. Кроме того, включение в её кабинет нескольких старших государственных деятелей должно помочь сдержать её порывы, - сказал Рюдерсдорф, прежде чем вернуться к Цеттуру. - Мне придётся побеспокоить тебя.

Цеттур лишь улыбнулся на это. - Я с удовольствием приму твоё предложение. После того, как такое мастерское планирование привело её к данной ситуации, я не могу дожидаться, чтобы узнать, что же она запланировала делать дальше.

Рудерсдорф благодарно кивнул. В глубине своего сердца он не мог не повторить строчки, которые не раз вспоминал во время войны: "Таня фон Дегуршафф была сущим дьяволом. Он мог лишь благодарить Бога, что она на его стороне"

ooOoo

Примечание 2: гиперинфляция в реальной жизни привела к массовым социальным волнениям, которые, в свою очередь, привели к нескольким смехотворно неумелым попыткам вооруженной революции, которые были легко подавлены армией. Здесь Таня направила всю эту энергию в избирательное русло. Смешайте некоторые современные методы предвыборной агитации, предсказания масштабов инфляции и популярность военного героя... и вы получите Танин успех на выборах.

<http://tl.rulate.ru/book/25868/538170>